

Балицкая Татьяна

Жизнь прекрасна

(сборник стихов)

Жизнь прекрасна

Не воротишь старого, дружище,
Тлеющий костёр не вороши,
И не приходи на пепелище
Раненой, истерзанной души.

Не зови ты прошлое, не надо,
За спиною прошлое у нас.
Будет горькою печаль, печальной- радость,
Будет всё не так, как в первый раз.

Не грусти, не мучайся напрасно,
И гони свои печали прочь.
В общем, жизнь- она всегда прекрасна!
Только есть в ней день, но есть и ночь.

Радость жизни

Радость жизни не в том, что тебя осыпают
Благородным металлом и прочим «добром».
Радость в том, что тебя хорошо понимают
И не «всадят кинжал» за ближайшим углом.

Радость жизни. Как мало для этого надо.
Чтобы рядом душа - талисманом для вас,
Чтоб детишки в порядке,- для мамы награда,
Чтоб огонь в очаге никогда не погас.

Радость жизни. Казалось, понять так несложно,
Что богатство и зло вечно в паре идут.
И одно от другого отделить невозможно,
Ведь у них, как всегда, мешанина из пут.

Ты по жизни шагай без тоски и без злобы.
Налегке, босиком... Знаю – это не всем.
Деньги? Слава? Богатство? Не тужься особо,
Когда этого нет, нет и тяжких проблем.

Страна под названием Детство

В уникальной стране, под названием "Детство",
Столько милых имён , столько дивных чудес.
Здесь Руслан и Людмила, Кощей по соседству,
"Колобок", "Теремок", заколдованный лес.

Здесь волшебное всё, всё возможно и можно.
Мама с папой живые, их можно обнять.
И тропинкою узкой идёт осторожно
Моё детство. В нём то, что не воротится вспять.

Я котёнка несу, для бабули заботу.
Он конечно ничей и наверно больной.
А бабуля моя вдруг придумает что-то,
Будет котику другом человек мой родной.

Здесь так ярки цветы и так розовы кони,
Здесь подсолнух грозит дорасти до небес.
И сердечко моё на раскрытой ладони,
Без обиды, без злости, без зависти, без...

Монолог больной собаки

Не щёлкай затвором, не целься, не надо,
Уйду я сама, ты меня не гони.

За верную службу такая награда :
На свалках,
 бродячей,
 доживать свои дни.

Как долго и нежно я руки лизала,
Как верно служила тебе одному!
Ах, если б могла, то наверно сказала :
- О, люди! Не верю теперь никому.

Хозяин, тебя ненавидеть не в силах,
Люблю и прощаю, и буду любить.
А кровь так тихонько пульсирует в жилах,
Я чувствую, жизни кончается нить.

Ну ладно,
 стреляй,
 мне подняться так трудно,
Но только сначала погладь, приласкай.
И я успокоюсь, усну беспробудно,
От рук дорогих только в рай, только в рай!

Кровинка

Я беременна. Будет ребёнок.
Знаешь, мама, хочу убежать...
Где отец? Испугался пелёнок.
Что мне делать, рожать - не рожать?

- Что же ты натворила, мерзавка?
Где тут девичьи гордость и честь?
Ведь тебе лишь семнадцать - козявка,
Поддалась на мужицкую лесть!

Сжалась дочка в недвижный комочек,
Стал затравленным ласковый взгляд.
- Мама, в сердце найди уголочек,
Мой ребёночек не виноват.

Гнев и жалость, потоками слёзы,
Будто ливень в большую грозу,
Где-то в горле застыли угрозы
И слеза побивала слезу.

Но встряхнулась, нашла в себе силы,
И прижала дочурку к груди :
- Ты прости, что как демон взбесилась,
Этот срыв мне, родная, прости.

- А ребёнка мы вырастим, дочка,
И отец твой поможет, и я.
Он не будет для нас заморочкой,
Это радость, кровинка твоя.

Плач вдовы

Ты кольцо моё, обручальное,
Мне сулило жизнь беспечальную.
Мне сулило жизнь страстно-нежную,
Жизнь замужнюю, безмятежную.
 А случилось так – мне волчицей быть,
 Суждено судьбой мне вдовою быть.
 Забрала любовь одолень-судьба,
 Я одна теперь, я- вдова.
Как горька-слепа моя долюшка,
Но видать на всё Божья волюшка.
Мало горестей? На,пожалуйста!
Ты терпи, вдова, и не жалуйся.
 Ты уйди печаль, да за семь морей.
 Да за семь морей, да за семь болот.
 Над водою ты своё зло развей,
 И избавь меня от невзгод.

Тюльпаны

(на фильм Александра Рогаткина «Донецкий аэропорт»)

Развалины, осколки... так тоскливо,
Затишье после длительных боёв.
Но вот цветок, другой - такое диво!
Из-под завалов, мусорных слоёв.

Как хочется коснуться их губами,
И пальцами погладить лепестки,
Подумать и о доме, и о маме,-
Вдруг нежности проклюнулись ростки.

Цветы и нежность – это так привычно.

А здесь разруха, кровь - и вдруг – цветы!
Ну, это как-то даже неприлично,
Среди осколков - остров красоты.

А на войне снаряды, горе, раны,
И жизнь со смертью вроде бы равны.
Но, выбирая жизнь, цветут тюльпаны,
Как будто бы и не было войны.

Если можешь не стрелять- не стреляй!

Понимаю, сынок, ты солдат,
И приказ для тебя – это свято.
Ты убьёшь. То ли рай, то ли ад
Незнакомое примет солдата.
Где-то там, на чужой стороне,
Вскрикнет женщина, горем убита,
И печаль отзовётся во мне,
Как сочувствие ране открытой.

Если можешь не стрелять – не стреляй!

Если можешь, то не надо бомбить.

Бог отмерил людям жизненный пай,

Им ведь тоже очень хочется жить.

Мой сынок, за тебя помолюсь,
Знаю я, ты не можешь иначе.
Но гнетёт постоянная грусть :
Где-то мать над сынишкою плачет.
Понимаю седой головой,
Ты защитник – и это почётно.
Грянет выстрел - а вдруг роковой?
Слёз, молитв и страданий- бессчётно.

Если можешь не стрелять - не стреляй!

Если можешь, то не надо бомбить.

Бог отмерил людям жизненный пай,

Им ведь тоже очень хочется жить.

Кто придумал проклятье войны?
То ли будет конец, то ль не будет?
Плачут матери, гибнут сыны...
Только Бог нас когда-то рассудит.

Маме

Ты сейчас далёко-далеко,
Не дойдёт ни письмо, ни звонок,

И нисходит холодный покой
На заснеженный твой бугорок.

Ты теперь не со мною, не здесь,
Ведь душа не приемлет оков.
Не пришлѐшь долгожданную весть
Из далѐких, холодных миров.

Мама, ты уж дочку прости,
Что за кругом всех бед и забот
Я тебя не смогла навестить
В твой девятый, заоблачный год.

Только помню тебя я всегда,
Теплоту твоих ласковых рук,
Без тебя пролетают года,
Как мерило любви и разлук.

На ладонь я снежинку ловлю
И слезинки туманят глаза,
Я тебя, дорогая, люблю -
И об этом хочу рассказать.

Где-то там, вверху, огонь горит

Где-то там, вверху, огонь горит,
А вокруг него – поэтов души.
Собрались и спорят - что получше? –
Будешь ты известен, иль забыт?
Будут ли тебя читать и слушать?
Будешь ты когда-то знаменит?
Или ругань твой покой нарушит?

Вдруг сказал один шальной поэт :
- А по мне, уж лучше пусть ругают,
Но читают, мыслят, постигают...
Это как далѐкий слабый свет,
Это как бы жизнь дана другая.
В ней тебе живому места нет,
Но и смерти нет, не забывают.

Одноклассник

Неторопливо плёлся вслед за мною,
И что-то очень тихо говорил.
А для меня всё было лишь игрою,
Мне непонятен был твой жаркий пыл.
Ты нежным был, по-юношески робким,
А я была насмешлива, горда.
Смеялась, что пойдём по разным тропкам,
И никогда не говорила «Да!»

Твой взор на мне покоился обычно,
Уроки – мимо, в мыслях только я.
Всегда училась я лишь на «отлично»,
На тройки ты - и всё из-за меня.
Смеялись девочки, завидуя безмерно :
- Готов твой рыцарь, чтоб нести портфель!
- Ну почему тебе такой он верный?
Как той Снегурочке был верен Лель.

Ты был моей подмогою привычной,
Ты был ненужен - и необходим.
Ты лишним был для жизни личной,
Ты рыцарь был - и всё, что иже с ним.

И лишь с годами высветилось ярко :
Какой я глупой девочкой была.
Ты для меня был жизненным подарком,
А я со счастьем рядышком прошла.

Афганец

Он навек остался молодым.
Похоронка - смерть и горе вместе.
Никогда не будет он седым,
Прибыл парень страшным «грузом двести».

Смотрят с фотографии глаза,
Молодые, нежные, живые.
Ты о чём хотел нам рассказать?
Об Афгане? Или о России?

Там ты был захватчиком, врагом,
Ну а тут послали и забыли.

Ничего! Нет больше ничего.
Кроме зноя и Афганской пыли.

Девятнадцать, юности рассвет.
Это много? Или очень мало?
Вот ты был - и вот тебя не стало.
Всё как прежде, а тебя уж нет.

Девушка устанет горевать,
Я её за то судить не стану.
Помнить вечно будет только мать -
Не затянется такая рана.

Господа! Сказать не премину.
Крик души - сквозь дождики косые -
Воевать? Так за свою страну.
Умирать? Так только за Россию!

Непонимание

Непонимания стена -
Неодолимая преграда.
Меж нами выросла она,
Начальная ступенька ада.

Не повернуть былого вспять,
Морщин - страданий не разгладить,
Как трудно всё-таки понять,
Когда и как на водной глади
Вдруг тихо появилась рябь.
Потом круги, потом волнение,
Штормит - и не вода, а хлябь!
И не продвину просветленья.

Здесь каждый видит лишь себя,
Как в басне - лебедь, рак и щука.
Какая сложная наука —
Преодолеть себя, любя.

Как просто всё со стороны -
Чужое разложить по полкам,
А мы всё бродим по осколкам
Своей разбитой тишины.

Лошадино-человеческое

или Вехи человеческой жизни

Необъезженный розовый конь,
На тебе мчится юность шальная.
Без седла, без поводьев, я знаю,
Ведь в душе-то пылает огонь.

Тащит рыжий коняга свой воз,
В нём и радость, и лихо, и слёзы,
Все «достоинства» жизненной прозы
И один лишь – Доколе? - вопрос.

Вороного нежданный скачок, -
Это в жизни как чёрная метка.
Счастья, радости злая соседка,
Вашей скорби суровый значок.

Пегий конь очень болен и стар.
Одиночество кутает душу,
И лишь стоны молчанье нарушат,
Для него эта жизнь как угар.

Вспоминает он пройденный путь.
Рыжий, розовый, угольно-чёрный...
И храпит он и ржёт, увлечённый,
Будто можно хоть что-то вернуть!

Будь другом мне, тамбовский волк

(в защиту брошенных животных)

Будь другом мне, тамбовский волк!
Товарищ - вроде мелковато.
Ты сильный, тёплый и лохматый
И в дружбе точно знаешь толк.
Жесток и зол, но дело в том,
Что защитить всегда сумеешь,
Ночами длинными согреешь,
Мне будет лес - родимый дом.

Я не волчица, вовсе нет.
Собака. Старая, больная,

Что завтра будет, я не знаю.
Не хочешь другом? Дай совет.
Что делать, если ты - изгой?
Из дома выгнали лопатой,
И стала жизнь кривой, горбатой,
И нет надежды никакой.

Когда была я молодой,
И дом исправно охраняла,
Хозяйка гладила, ласкала,
Теперь житуха - волком вой!
Есть люди... хуже вас, волков.
Стара, больна - так гонят в шею,
И огрызнуться я не смею.
Обида, боль волнует кровь.

Возьми с собой, тамбовский волк!
Я буду верною волчицей,
Придётся, видно, научиться
Кусаться, биться - кляц да щёлк!
Возьми с собой, тамбовский волк.

Встреча с прошлым

— Ты не курила двадцать лет,
Моя мамулечка родная,
В квартире смог от сигарет,
И я тебя такой не знаю.
Дрожит рука, туманен взгляд,
Окурки, спички, сигареты.
Родная, кто тут виноват?
Ты мне открой свои секреты.
Когда-то ты дала зарок
И никогда не изменяла,
Все двадцать лет, немалый срок,
Куренье глупостью считала.

- Наш телевизор свёл с ума :
Там, в передаче, бомж на свалке.
Такой бесформенный и жалкий,
И на плече его сума.
И всё бы было ничего,
Но лишь увидев, я узнала...
Узнала папу твоего.

Потом курила и рыдала.
Всегда, во всём быть лучше всех —
Такое жизненное кредо.
Дарила жизнь ему успех
И был провал ему неведом.
Он ненавидел нас с тобой,
Считал в своём полёте грузом,
Неодолимою обузой,
Злосчастьем, выданным судьбой.
И вот теперь на самый низ
Его забросила судьбина.
Судьбы невиданный каприз,
Как нож врага, неожиданно, в спину.
Как наша маленькая жизнь
Непредсказуемо — жестока!
Тут возносись, не возносись,
Судьба расставит всё по срокам.

- А как по мне- он получил
Всё то, что в жизни причиталось.
Ведь мне всегда о том мечталось,
Чтоб зла нечаянный посыл
Его пронзил- и к чёрту жалость!

Похоронка

В селе кубанском голосистом, звонком,
Где ночи нежные сменяют дни,
Казачка получила похоронку -
Из армии, из пекла, из Чечни.

Две ночи молча глядя на дорогу,
Страдала всей душою и ждала.
Потом, склоняясь долу понемногу,
Упала тихо, будто умерла.

И снилось ей : вокруг чернеет поле,
А среди поля дуб - всего один.
А возле дуба гроб - такая доля,
А в том гробу - её мальчишка, сын.

Не дрогнули пушистые ресницы,
Улыбка не коснулась бледных губ.
Казалось, сон ему чудесный снится,

А навевает сон огромный дуб.

С тоскою протянула к небу руки,
Упала на колени прямо в грязь.
(Такой врагу не пожелаешь муки)
И горькими слезами залилась :

-Вставай, сынок, не мучь меня, довольно.
Тебе ещё не время уходить.
О, Господи, да как же сердцу больно!
И вдруг проснулась. Как без сына жить?

Со лба ладонью стёрла пот холодный,
Хватала воздух пересохшим ртом :
-Сыночек, сын, неужто дух бесплотный
Взамен тебя тоскует за окном?

Жужжит комар над ухом тонко - тонко.
Душа полна единственным - одним :
Не может мать похоронить ребёнка -
Она хоронит сердце вместе с ним!

Ворон и воронёнок

На дубу высоком,
 как хребет Кавказ,
Ворон воронёнку
 отдавал наказ :
- Жизнь твоя - полёты,
 мой крылатый сын.
Страшно отчего-то?-
 неба господин.

Из гнезда на волю
 сделаешь шажок...
Лишь однажды, с болью
 испытаешь шок.
Но случится чудо-
 ты уже летишь!
Как же сладко будет,
 милый мой малыш.

Ветерок свободы
 запоёт в ушах,

Только очень трудно
 сделать первый шаг.
Но промчатся годы,
 крылья подрастут,
При любой погоде
 стойко понесут.

К сильным жизнь жестока,
 дорогой мой сын,
В сказке синеокой
 ты всегда один.
И за место в жизни
 нужно воевать.
И не быть капризным,
 и не отступать.

Так лети по свету
 и счастливым будь!
И возьми советы
 в свой нелёгкий путь.

Поэт и смерть

(В коме)

Проснулся как-то раз больной поэт
И видит над собою смерть.
Пришла стара, припёрлась ведь,
Собою заслонив весь белый свет.
Спасенья нет.
Сказала смерть : "Ну что? Пошли, поэт.
Тебе конечно невдомёк,
Земной-то жизни вышел срок,
И к прошлому возврата больше нет.
Пошли, поэт".
Что делать? Как спастись от этих бед?
Оделся кое-как... идут,
Дорога- камни, глыбы тут.
Вот на ногах почти что нет штиблет.
Здесь твой лишь след.
Тогда взмолился взмыленный поэт :
"Давай устроим тут привал,
Тебе стихи я б почитал."
"Ну что ж, давай", - услышал он в ответ:

"Вопросов нет".
Внушив : "В ногах разбитых боли нет",
Поэт свои стихи читал,
Душою пламенной летал,
Своим стихам стремился он вослед,
Блистал поэт.
И вдруг увидел : из пустых глазниц
Как бисер, слёзы полились,
Поэтову спасая жизнь.
Упала смерть перед поэтом ниц.
Такой вот блиц.
Шептала смерть : "Читай, поэт, читай.
Ты будешь ангелом в раю,
Петь про любовь и жизнь свою.
Тобою будет восторгаться рай.
Поэт! Читай!
Сказал поэт : "Но я хочу домой.
Там муза милая - жена,
Ведь любит, ждёт меня она.
Мне без неё - хоть серым волком вой.
Хочу домой!"

Очнулся после кризиса поэт,
Увидел глаз любимых нежный свет,
Пролепетал : "Я лишь с тобой герой,
А там, в раю - да кто я там такой?"

Старый дом

Здесь когда-то звучал детский смех,
Радиола так сладостно пела.
Отчий дом, ты ведь помнишь их всех?
Кто - куда, сколько лет пролетело!
Старый дом, старый двор, старый сад,
Плачет крыша, изранены стены.
Кто же в том, дорогой, виноват,
В том, что раны твои неизменны?
Старики на погосте давно,
Молодые село позабыли.
Содран пол и разбито окно,
Старый дом стал хранилищем пыли.

Ты стоишь сирота - сиротой,
Для летучих мышей развлечение.

Ты пустой, совершенно пустой,-
И безжизненность, и запустенье.
Отчий дом, как убогий старик;
Дети, внуки, ау! отзовитесь!
Вы услышите души его крик -
И вернитесь, вернитесь, вернитесь.

Как тяжело, когда пустеет дом

Как тяжело, когда пустеет дом!
И ты не можешь ничему сопротивляться,
И некому на жизнь пожаловаться, братцы,
Когда все мысли только о былом.

Пока светло, так ты ещё живёшь.
Соседки, телефон, хоть малое движение,
Унылой жизни чуть заметное скольжение,
А поздний вечер чёрен, словно ложь.

Бесшумною походкой входит ночь.
Бессонница свои тенета открывает,
Скребётся мышь, но кошка тоже не зевает,
Поймает и утащит мышку прочь.

Такое чувство: рядом нет людей.
Собака лает, где-то кот орёт на крыше,
И далеко, так далеко от нас Всевышний,
Как в синем небе стая лебедей.

Я о родных тихонько помолюсь,
Покоя мёртвым, а живым- добра, удачи,
И, может быть, чуть-чуть тихонечко поплачу,
И в бездну сна как в омут провалюсь.

Ода поэтическому Слову

Поэта Слово льётся водопадом,
Пленительным, чарующим каскадом.
Оно пьянит, оно пронзает болью,
Оно прельщает искренней любовью.
Бывает лёгким, невесомо-плавным,
Бывает уморительно-забавным,
Бывает и тяжёлым, словно молот.

От Слова иногда- могильный холод.
Ведь Слово- то оружие поэта,
Оно куда сильнее пистолета!

Три вдовы

За столиком сидели три вдовы,
Три старые и верные подруги.
И было настроенье- впору выть
И по полу валяться, на досуге.

Плелись воспоминания в клубок,
И где-то в горле закипали слёзы.
Поймёт их тот, кто в жизни одинок,
Кто пережил и грозы, и невроты.

Одна сказала: " Мало толку в том,
Что бережём свои воспоминанья.
Девчата! А давайте запоём!
И прочь уйдут лишенья и страданья.

И отдаваясь песне всей душой,
Они запели нежно и красиво,
О маме, о любви своей большой...
И каждая из них была счастливой.

Сливались воедино голоса,
Рекою полноводной разливались,
Слезинки им туманили глаза,
Но души их от боли очищались.

Нередко в жизни так бывает

Нередко в жизни так бывает:
Тебя родные забывают.

Зачем им тяготы проблем?
Зачем ненужные заботы?
Уж лучше подружиться с тем,
Кто даст по жизни супер-квоты.

Родная кровь, а как водица,
Не достучаться, не пробиться.

Ты понимаешь: в них, родных,
Родная кровь – душа чужая,
Как будто, кто-то проезжая,
Всю злость и лёд оставил в них.

Быть может, наказание свыше :
Нам не дано друг друга слышать?

Жаль, что не можешь выбирать,
Кого-то лучше и добрее.
Вот он чужой, а во сто крат
Тебе приятней и милее.

Старая дева

"Ну ты, красавица, даёшь!
На самом деле ты - девчонка?
В котором веке ты живёшь?
Тебе уж двадцать - старушонка.
В твои года девчонок нет,
Все жизни радуются смело.
Прими бывалого совет :
Нам секс - бальзам души и тела.
Ты девай старою помрёшь,
Красавца-принца поджидая.
Да в общем, ты и не живёшь,
К себе коснуться не давая."

Она спросила : "А любовь?
Меня ты любишь хоть немного?"
От смеха он зашёлся вновь :
"А ты дала любви дорогу?"

Таких как он хоть пруд пруди,
И есть сейчас, и были раньше.
В постель не ляжешь - так иди,
Спина к спине - и кто подальше.
А для тебя любовь, как сон.
Ты так доверчиво-наивна,
Но вот отыщется ли он?
Герой из снов, твой рыцарь дивный!

Жизнь в кредит

Нам эта жизнь отпущена в кредит,
За всё и вся платить нам предстоит.
За наслаждение, радость и любовь
Платить мы с вами будем вновь и вновь.

Но иногда об этом позабыв,
Свои долги мы копим, как нарыв.
А получая жизненный удар,
Кипим, как настоящий самовар.

За что? Ведь мы так праведно живём,
Всегда мы правы, ночью или днём.
И не хотим, боимся сознавать -
Пришла пора долги нам отдавать.

Критикам

Признавший сам себя глупцом
Считаться вправе мудрецом.
А кто твердит, что он мудрец,
Тот именно и есть глупец.
Брант Себастьян

Роль критика не очень-то приятна,
И не любому смертному понятна.
Критиковать - неблагодарный труд :
Писатели поймут, иль не поймут?
Для критика так важен трезвый ум,
И независимость, и ясность дум.
Чужое бросить в грязь легко порой,
Но с этим сохранишь ли свой покой?

Но есть у нас "крутые" критиканы,
Такие, право слово, горлопаны,
Не критикуют, попросту хамят.
Не критика, а в каждом слове яд.
Коль ты несдержан, это дело брось,
Чтобы не быть другим, как в горле кость.
Роль критика, как ноша, тяжела,
И ты поверь : она не для осла!

Наследство

Сегодня две сестры наследство делят :

- Твоё-моё, опять, моё-твое.

Друг друга злыми взглядами "метелят"

Как неродные, будто вороньё.

- Дом пополам? Что ты, сестра, лукавишь?

За матушкой смотрела только я.

Ты мебель забирай, её подправишь,

Но откажись, сестрица, от жилья.

- Старьё забрать? Да ты в уме, сестрица?

А половину дома я продам.

Мне эта сумма очень пригодится,

Не буду домик я менять на хлам.

Их языки - как два змеиных жала.

Во взглядах только ненависть и злость.

Ах мама, мама, если бы ты знала :

Твоё наследство - что собакам кость!

Не покидайте кошек и собак

Не покидайте кошек и собак.

Для них хозяева - родные люди,

Подумайте, что с ними дальше будет:

Без вас изгой, ну совсем никак.

С собакой, кошкой... вы должны понять,

Что это не забава, а забота;

И если вам возиться неохота,

Их не берите, чтоб не прогонять.

Покинутым животным снится дом,

И руки тёплые хозяина, хозяйки,

И тихий голос: "Мой прекрасный зайка!"

И тот пейзаж знакомый за окном.

Бродячими их вынудила стать

Людская непомерная жестокость.

Мы, люди, сами их толкаем в пропасть,

Чтобы потом бояться и стрелять.

Долюшка моя

Где-то там, в широком поле,
Ходит – бродит моя доля.
Долюшка моя,
Неизвестная!
Лютым зверем, чёрной кошкой,
Неприглядной скоморошкой
Смотрит на меня
Долюшка моя!
А потом вдруг обратится
Синеглазою девицей,
Милой и родной,
Для меня одной.
И душа поёт от счастья,
Жизнь не кажется напрасной,
Но черна и зла
Боль из-за угла.
Жизнь как чудо-кобылица,
То по полю резво мчится,
То свечой встаёт
И копытом бьёт.

Одинокая

В предрассветной дымке тонет улица.
Месяц всё ещё Землёй любитесь,
А в окошечках напротив свет горит,
Встала милая хозяйка до зари.

Молодая, нежная, красивая,
Только почему-то несчастливая,
Только почему-то одинокая,
Гордая казачка синеокая.

Где же вы мужчины, где вы соколы?
Что вы ходите вокруг да около?
Что вы объясниться не пытаетесь?
То ли вы боитесь? то ль стесняетесь?

Где же ты, хороший и единственный?
Тот загадочный, и тот таинственный?
Заждалась девчоночка красивая,

Очень хочет дамой стать счастливою!

Исповедь

Батюшка, хоть ты меня услышь,
Отпусти грехи мои земные.
В церкви запах воска, свет и тишь,
И иконы, строгие такие.
Ведь моей измученной душе
Господи, к тебе бы прикоснуться,
Словно от дурного сна проснуться,
И не видеть мрачного уже.

Я свои грехи не утаю,
Жизнь порой крутила и ломала,
Создавался призрачный уют,
Только я того не понимала.
Были ревность, ненависть и злость,
Жизнь кривую линию писала,
Лишь создав, по новой всё кромсала,
И грехов комок - как в горле кость.

Ты пролей мне в душу луч тепла,
Снизойди ко мне, Святая Дева,
Что творила - это не со зла,
Но грешна я, как праматерь, Ева.
Я в ответе за свои грехи.
Господи, к тебе я припадаю,
На коленях пред тобой рыдаю :
Не пошли ты сыну дней лихих!

Ты спаси его и сохрани,
Дай семье любовь и процветанье,
А мои грехи ты мне верни,
Чтобы наступило осознанье.
Батюшка, и ты меня прости,
В церковь я хожу совсем не часто,
Будто из колоды разномастной
Все мои дороги, все пути.

- Отпускаю я тебе грехи...
Нет святых сейчас у нас в России,
Нет хороших, как и нет плохих,
Много только сильных и бессильных.

Мать и дочь

Две женщины, как две прекрасных розы,
Сидели в ресторанчике ночном.
В глазах одной – любовь, мечты и грёзы,
В глазах другой – весь жизненный содом.

Одна была чиста, нежна, прекрасна,
Другая же – страстей кипучих пыл.
Одна сравнима с милой зорькой ясной,
В другой сам демон неуёмный жил.

Они похожи были - и различны,
Любой сказал бы – это мать и дочь.
Одеты модно и на вид приличны,
Но в этом ресторане...встреча...в ночь?

- Ты всё-таки пришла, моя родная!
А значит, на меня не держишь зла.
Я виновата очень-очень, знаю,
В тупик меня тропинка завела.
От мужа я с любовником сбежала,
Тебя оставив папе твоему.
Я не смогла сдержать любви накала,
Коль не простишь, так я тебя пойму.

- Мне папа разрешил с тобою встречу,
Он ждёт меня, как стражник на часах.
Ты так прекрасна, как весенний вечер,
Как солнышко на синих небесах.

- Но мы с тобой похожи, даже очень!
Ты только что раскрывшийся бутон.
А я уже поближе, ближе к ночи,
Страстей и муки целый фаэтон.

- Ну, может быть, мы внешне и похожи,
Но жизни ценности различные у нас.
Я никогда своё дитя не брошу,
Лишь только смерть разлучит с дочкой нас.

Материнство

Тебя судили все с великой злостью,
Была соседям всем ты в горле костью!
Вела под ручку пьяного нахала
И встречных крепкой бранью поливала.

Недавно сплетни поползли упрямо :
Дианка - грубиянка станет мамой.
Детишки? Их ей только не хватало!
Откажется - и горя будет мало.

Потом заметили такую малость :
Бахвальство, наглость - что куда девалось?
Большие очи чуткой, нежной лани :
- Мой маленький, люблю тебя... заранее.
Ты живота рукой касалась нежно,
Лицо мадонны, нежности безбрежной.
Ты говорила : "Зайка, мой сыночек,
Мой негасимый, светлый уголёчек,
Моя надежда и моё спасенье,
Моя удача и моё везенье.

И будто Богородица рукою
Тебя вела по тропке за собою.
И материнство вновь благословляя
Открыла двери маленького рая.

Разговор с судьбой

Ночь бессонной была.
 Вдруг какая-то тень
Промелькнула, вошла
 в неначавшийся день.
То старуха была
 вся седая, как лунь,
Я шепнула : "Дела-а
 нет мне счастья, хоть плюнь".

- Я судьбою твоей
 в этой жизни зовусь,
Вот печаль-суховей,
 вот вселенская грусть.

Тут и ларчик со мной,
 выбирай... Выбирай!
Но смотри не разлей,
 но смотри – не теряй.

- Ах, судьбина – судьба,
 ты не будь так вредна!
Ты не дай мне, судьба,
 кувыркаться до дна.
Ты мне руку, судьба
 протяни... протяни,
Ты надежду, судьба
 мне на счастье верни.

- Человек только сам
 может счастье сберечь.
Жизнь – ведь это борьба
 расставаний и встреч.
Бог закрыл эту дверь,
 но всегда в тот же час
Открывает другую –
 лазейку для вас!

Упадут предрассветные росы...

Упадут предрассветные росы
Снегопадом на чёрные косы.
Белой краски у старости много,
К облакам потянулась дорога.
Всё умчалось на бешеной тройке,
Так легко, безвозвратно и бойко,
Будто Солнце за тучку скатилось.
Было? Не было? Может, приснилось?

Где ты, милое доброе детство?
Где ты, юность моя золотая?
Только память осталась в наследство,
Да и та потихонечку тает.

Старость

Её считали гордой и сердитой,
И будто не от мира, от сего.
Жила в хатёнке, всем ветрам открытой...
Не понимали люди одного -
Что у неё душа – сплошная рана.
Нет ни родных, ни преданных друзей,
Остался муж в песках Афганистана,
И умерла дочурка, как-то вдруг.

Она с годами выплакала слёзы,
Молитвы лишь держали на плаву.
Как мумия, влачила жизни прозу,
Звала родных во сне и наяву.

Лишь стародавняя подружка, кошка,
Её могла как следует понять :
- Устала, милая? Поспи немножко,
Я песней буду думы отгонять.

А люди обходили дом стороной.
Проблемы? Разве у неё одной?
Смотрели с недоверием вдогонку,
Есть пенсия? Вот и сиди, не ной!

Не будьте к старым так жестоки, люди.
Ведь старость – это, милые, не мёд!
Пусть в душах лишь любовь и нежность будет,
А старость никого не обойдёт.

Марионетка

Судьба твоя пустилась под откос.
Такой неутешительный момент,
И ты тихонечко идёшь вразнос,
И сил для жизни совершенно нет.
 Не так, не то, ночами плохо спится,
 Судьбу свою ругаешь ты нередко,
 И словно тяжёлая десница
 Ведёт по жизни, как марионетку.
Друзья, родные - рядом никого!
В кромешной тьме бредёшь без фонаря.
А будущее? Вроде нет его.

А жизнь твоя? Всё вроде было зря.

Ход жизни тихо приостановился,

И нет душевных сил со злом бороться.

Ты вроде бы случайно очутился

На самом дне глубокого колодца.

Задействуй силы дремлющие, друг!

Поверь в себя! И примени их здесь.

В могиле наш с тобой замкнётся круг,

Из остального выход всё же есть!